

П. Б. СТРУВЕ

Несколько слов по поводу статьи С. Н. Булгакова

Тема, затронутая С. Н. Булгаковым, очень широка и мало разработана. Представляя ему страницы «Полярной звезды» для изложения его интересных и глубоко продуманных соображений, мы считаем своим долгом определить хотя бы в самых общих очертаниях нашу собственную позицию в затронутом вопросе огромной теоретической и практической важности. Уже неоднократно мною и моим соредактором С. Л. Франком¹ разъяснялось, что «Полярная звезда» в философском отношении свободна от всякого догматизма и что ей, в частности, совершенно чуждо догматическое понимание религии. Конечно, в известном философском смысле верно, что всякая политика и всякая политическая система в последнем счете опирается на известные религиозные идеи. Ошибка С. Н. Булгакова заключается в том, что он как *догматик* религию понимает в *церковном* смысле, в смысле *объективно упорядоченной системы* верований и основанного на этой системе *устройства* верующих. В отличие от Булгакова мы полагаем, что у христианина и у атеиста, у идеалиста и у позитивиста может быть общая политика, имеющая единый религиозный корень.

Владимир Соловьев в этом смысле метко указал, что свободные мыслители XVIII века в политике были лучшими христианами, чем представители Церкви в соответствующую эпоху. Даже и широкие массы народа — вопреки мнению Булгакова — способны очень хорошо отделять элемент церковный или вероисповедный от той сверхцерковной или вневероисповедной «правды Божьей», признание которой лежит в основе таких широких политических программ, какова, например, программа конституционно-демократической партии. Потому-то одну и ту же политическую «правду Божью» могут в истинно-религи-

озном духе и с истинно-религиозным пылом проповедовать и православный священник, и магометанский мулла, и еврейский раввин, и служитель всякой другой религиозной общины. В том, что идеалисту-церковнику представляется религиозной беспринципностью, на самом деле может заключаться и часто действительно заключается высшая — сравнительно со всякой церковностью — религиозность. С другой стороны, в идеалистически-церковных рассуждениях Булгакова упускается из вида та реальная, жестокая и неприглядная противохристианская церковность, которая так легко и так уверенно укрепляется на «религиозных» позициях.

С. Н. Булгаков впал в ошибку в двух направлениях. Во-первых, он упустил из виду, что связь политики с церковною или вероисповедной религиозностью по существу есть всегда двойное злоупотребление: политикой — во имя религии и религией — во имя политики. Эта связь всегда искусственная и часто недоброкачественная. Во-вторых, С. Н. Булгаков забывает, что всякая сколько-нибудь глубокая и искренняя политика, как бы она ни была, по видимости, безрелигиозна, — по существу близка к глубочайшей, внутренней, субъективной религиозности. И обе эти ошибки Булгакова вытекают из того догматического склада его ума, в силу которого он не может не быть церковником, т. е. объективистом в религии.

Если прибавить к этому, что действительность не столь прямолинейна, не столь геометрична, как того хочется и нужно Булгакову, то нельзя не признать, что стремления связать политику с церковной религиозностью могут на практике оказаться либо бесплодными, либо крайне опасными. Это ясно и тем, кто, как пишущий эти строки, глубоко убежден в верховном значении религиозных ценностей и в то же время внутренне терпимо относится даже к религиозности церковной.

Что же касается той непримиримой борьбы между христианским и атеистическим социализмом, которая, по мнению Булгакова, по существу неизбежна, то эта борьба действительно необходима опять-таки только с точки зрения догматической, причем совершенно безразлично, что является догмой: атеизм или учение Церкви. В истинно же религиозном своем существовании всякий истинный социализм, основанный на признании человеческой личности высшей ценностью, совершенно независим от какой бы то ни было догмы, будь то догма материалистическая или богословская.

